

Анастасия Фролова

ТУМАН НАД МЫШКИНО

Анастасия Фролова

Туман над Мышкино

<https://litres.ru/74485514>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я ждал тебя двадцать лет. Время для меня остановилось. Но ты пришла — и я узнал тебя...»

Варя покупает дом в Мышкино. Дом помнит. Кресло качается само. Пианино играет без рук. Зеркало возвращает чужое отражение. А мужчина с голубыми глазами, который не стареет, говорит ей: «Ты — её возвращение. Высшие силы дали мне шанс. Помоги мне найти правду — и освободи меня.»

История о любви, которая сильнее смерти, о правде, которая сильнее лжи, и о проклятии, которое снимается только сердцем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анастасия Фролова

Туман над Мышкино

Глава 1

Геля проснулась от того, что в комнате было слишком тихо. Не было ни звука с улицы, ни шума соседей за стеной — только она, кровать и старинное зеркало, висевшее напротив. Она не помнила, откуда оно взялось. Вроде бы всегда висело. Или нет? Геля протёрла глаза и посмотрела в отражение.

На неё смотрела незнакомка. Каштановые локоны, ледяные голубые глаза, тонкие пальцы, сжимающие край чёрного платья. Женщина улыбнулась — странно, печально, будто знала что-то, чего Геля не знала. Губы шевельнулись:

— Я жду тебя.

Геля вскочила. Сердце колотилось где-то в горле. Она схватилась за край зеркала и посмотрела в него снова — оттуда смотрела она сама. Растрёпанная, бледная, с тёмными кругами под глазами. Никакой женщины. Никаких каштановых локонов. Только тишина, которая звенела в ушах, как после удара.

— Приснилось, — прошептала Геля.

Но она знала, что не спала.

Геля не помнила своего детства. Не потому, что оно было плохим — просто его не было. Вместо него была мама. Мама с блестящими ногтями и вечно уставшими глазами, мама, которая выходила замуж, когда Геле было двенадцать. Не за её отца, конечно. Отец уехал, когда Геле было шесть, и оставил после себя только запах сигарет и пустой холодильник.

Мамин новый муж — Виталий — оказался человеком приятным. Он улыбался, шутил, приносил маме цветы. Но Геле он не был нужен. Ей было нужно то, что она потеряла — детство. А вместо него она получила роль. Не дочери, не ребёнка, а *милого собеседника*. Так мама её называла: «Гелечка, ты у меня такой милый собеседник». Геля слушала мамины жалобы, оценивала её маникюр, хвалила новые шторы, утешала после ссор с Виталием. Она была подругой, психологом, оценщицей красоты — всем, кем угодно, только не дочерью.

К двенадцати годам Геля научилась улыбаться в нужный момент и молчать, когда надо. Она научилась не плакать. Научилась не чувствовать. Она научилась быть удобной.

А потом просто ушла.

Переехала к подружке Татьяне — такой же потерянной, как она сама. Две девчонки в съёмной квартире, вечно голодные, вечно весёлые. Тусовки, новые знакомые, дешёвое вино, затянувшиеся вечера. Геля искала в этом хаосе то, что не могла найти дома — ощущение жизни.

Иногда ей казалось, что она её нашла. В чьих-то пьяных

глазах, в громкой музыке, в поцелуе без смысла. Но утром всё исчезало. Пустота оставалась.

Геля мечтала о другой жизни. Не о такой, где надо считать копейки до зарплаты и улыбаться Виктору, который ей не нужен. А о жизни, где есть шикарное авто, лазурное побережье, каштановые локоны на ветру и мужчина, который смотрит на неё так, будто она — целый мир.

Иногда, глядя в зеркало, она представляла себя другой. Не Гелей из съёмной квартиры, а той женщиной, которая смотрела на неё из отражения. Та была спокойной. Та была счастливой. Та знала, чего хочет.

Геля не знала.

В ту ночь она долго не могла уснуть. Лежала и смотрела в потолок, на котором застыли причудливые тени от уличного фонаря. Вспоминала сон — или не сон? — про женщину в зеркале.

— Я жду тебя, — повторила она шёпотом, пробуя слова на вкус.

Странно. Они не пугали. Они манили.

Геля села на кровать, обхватила колени руками. За окном начинался серый рассвет. Город просыпался, где-то лаяла собака, громыхала машина. Обычная жизнь. Обычный день. Но что-то изменилось.

Она посмотрела на зеркало. В отражении — та же комната, та же она. Но Геля поймала себя на мысли, что ждёт: вдруг оттуда снова появится женщина?

Не появилась.

Геля вздохнула и легла обратно.

— Это просто усталость, — сказала она себе.

Но в глубине души знала: это не усталость. Это начало.

Когда она вышла в коридор, Татьяна уже крутилась у зеркала в прихожей, подкрашивая ресницы.

— Гелька, ты чего такая бледная? — спросила она, не оборачиваясь. — Опять не спала?

— Приснилось что-то, — ответила Геля.

— Кошмар?

— Не знаю. Может, наоборот.

Татьяна фыркнула, закрутила тушь и повернулась к ней. Глаза у неё были серые, цепкие, как у человека, который привык видеть всё насквозь.

— Слушай, у меня для тебя новость. — Татьяна улыбнулась загадочно. — На парах сказали, что едем к Алику. На днюху. В деревню.

— В какую деревню? — Геля поморщилась.

— В Мышкино. Или Крыскино. Алик сказал, смешное название, но нормальная хата. Шашлык, самогон, природа. Хочешь?

Геля хмыкнула. Деревня, шашлык, самогон — это не то, о чём она мечтала. Но хоть что-то новое. А потом вспомнила женщину из зеркала. Её каштановые локоны. Её ледяные глаза.

— А что, — сказала Геля, — поехали. Развеюсь.

Татьяна удивлённо вскинула брови. Обычно Геля на такие авантюры не соглашалась.

— Ну ты даёшь, — сказала она. — Ладно. Собирайся.

Геля кивнула и пошла в комнату. Взяла с кровати жёлтую спортивную сумку с надписью «Монтана». Подарок Виктора. Виктор — «перспективный кадр», как говорила Татьяна. Но слишком ведомый, слишком скучный. Он приносил Геле подарки, дарил цветы, звал на свидания. А она чувствовала только раздражение.

Она не любила его. И не хотела любить. Но он был удобен: рядом, внимательный, безотказный.

Геля усмехнулась, бросила сумку на кровать и начала складывать вещи. Потом подошла к окну и открыла его. Хотела проветрить.

Ветер внезапно стих.

Геля замерла.

Вдалеке, откуда-то из глубины улиц, донеслась мелодия. Тихая, старая, словно кто-то играл на пианино в запертом доме. Ноты ложились одна за другой — медленно, печально, как похоронный марш. Но красиво. Странно красиво.

Геля задержала дыхание. Она уже слышала эту музыку. Не сегодня. Не вчера. Когда-то давно. В детстве? Во сне? Она не помнила.

— Геля! — крикнула Татьяна из кухни. — Ты чего застыла?

Геля вздрогнула.

— Показалось, — ответила она.

Но когда закрывала окно, пальцы дрожали. Она понимала: это не показалось. Это был знак.

Первый из многих.

Вечером пришёл Виктор. Геля была в неглиже, только что переоделась. Он вошёл без стука — у него был ключ, Геля дала его ему в порыве жалости, а теперь жалела.

— Гелечка! — Виктор расплылся в улыбке. — Какая же ты у меня красotka!

Геля поморщилась.

— Не называй меня «моя». Я не твоя.

— Ну как же не моя? — Виктор подошёл, хотел обнять.

Геля отстранилась.

— У меня к тебе серьёзный разговор, — сказала она.

— Я весь внимание, — Виктор сел на кровать, как хозяин.

— Мы едем в деревню. С Татьяной. К Алику на день рождения.

Виктор нахмурился.

— Это ещё зачем? Там скучно. Поехали лучше ко мне, я маме сказал, что ты приедешь, у нас будет шашлык...

— Я сказала: едем в деревню.

— Геля, ну зачем тебе...

— Я сказала. Точка.

Виктор вздохнул, но не спорил. Он вообще не умел спорить с Гелей. Только смотрел на неё щенячьими глазами и делал, что она скажет.

— Ладно, — буркнул он. — Поехали. Я за вами заеду.
Геля кивнула.

— И не забудь: ты — пассажир. Мы с Татьяной едем сзади.

— Почему это? — Виктор надулся.

— Потому что я так сказала.

Виктор вздохнул, но согласился.

Когда он ушёл, Геля закрыла дверь и прислонилась к ней лбом. В комнате пахло его одеколоном — дешёвым, резким. Она ненавидела этот запах. Но терпела. Потому что так было проще, чем быть одной.

Геля подошла к зеркалу. В отражении — она сама. Бледная, уставшая, с пустыми глазами.

— Что ты от меня хочешь? — спросила она шёпотом.

В отражении никто не ответил.

Но Геля почувствовала, как по спине пробегает холод.

Она не знала, что это было. Но знала одно: впереди — что-то необычное. И ей не хотелось это пропускать.

Глава 2

Утро в институте тянулось бесконечно. Геля сидела на последней паре, рассеянно листая конспект, который не собиралась читать. Мысли витали где-то далеко — за лазурным берегом, за ветром, развевающим каштановые локоны. Она ловила себя на том, что уже в сотый раз представляет, как сидит за рулём шикарного авто, а не трясётся в маршрутке до общежития.

Татьяна толкнула её локтем:

— Эй, ты вообще здесь? Я тебе уже третий раз говорю.

Геля вздрогнула:

— А? Что?

— Говорю, у нас сегодня туса! Едем к Алику на днюху в деревню.

— Куда на этот раз? — Геля скривилась, как от лимона.

— В деревню. Название такое смешное — то ли Крыскино, то ли Кошкино... не помню в общем. Но дело не в этом, самое главное, чтобы было весело!

— Это точно, только как в глуши может быть весело — это большой вопрос... — Геля откинулась на спинку стула и уставилась в потолок.

— Не переживай, народу будет много, дом весь наш... твори, что хочешь!

Геля вздохнула и снова ушла в себя. Мечты развеялись,

как дымка над утренним полем. Реальность диктовала обратное: джинсы, кроссовки, комары и никакого лазурного побережья.

— То есть платья и шляпы отменяются? Едем кормить комаров? — уточнила она с ноткой обречённости.

— Да! Джинсы и кросы — вот наш праздничный наряд! — Татьяна рассмеялась, и Геля невольно улыбнулась в ответ. С подругой было легко, даже когда тоска застилала глаза.

Дома они дружно собирали жёлтую спортивную сумку с яркой надписью «Монтана». По тем временам — предмет мечтаний многих. Геле её презентовал один из поклонников, папа которого ходил в загранку и баловал сына, как мог. Сынулю звали Виктор — довольно перспективный кадр, но слишком ведомый. Геля не видела его рядом с собой. Хотя, если честно, она вообще никого не видела рядом с собой.

— Мой принц ещё не родился, — говорила она маме, когда та начинала доставать её вопросами о замужестве.

— Будем брать с собой постельку? — спросила Геля, неся ворох неглаженного белья из шкафа.

— Зачем? — удивилась Татьяна.

— Ну, как ты думаешь, что нам там кто-то уготовит царское ложе?

— Будет Виктор, а значит, что ты точно будешь спать не одна. А с его фактурой можно и на сене поспать.

— А у тебя всё одно...

— Конечно, звёзды же не всем одинаково светят, к вели-

чайшему сожалению.

— Забери ты его уже себе и успокойся.

— А можно нам, глупым и убогим, узнать, как это сделать? Ты так говоришь, будто он телёнок на верёвке, которого с одной лужайки можно перевести на другую...

— Можно, если всё сделать с умом. Но у тебя его нет, — засмеялась Геля. — Поэтому пользуйся моим.

— Ты-то у нас конечно профессор психологии, — огрызнулась Татьяна, но уже беззлобно.

В коридоре раздался звонок, и перепалка, которая могла бы длиться до вечера, сама собой сошла на нет. Татьяна, успевшая сменить гнев на милость, проворно скользнула к двери, но, услышав нетерпеливое покашливание за дверью, почему-то сразу сбавила шаг и приняла важный вид. На пороге стоял Виктор. Его глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, были широко распахнуты, как у ребёнка, увидевшего витрину кондитерской. На губах блуждала глуповатая, но искренняя улыбка. Увидев Татьяну, он запнулся, сглотнул и выдавил:

— Ну, я это... вообще-то жду Гелю...

Он немного помолчал, словно переваривая собственные слова, а затем, спохватившись, добавил то, что казалось ему верхом галантности:

— И тебя, конечно же, тоже.

Татьяна, не сдержавшись, звонко чмокнула его в щёку и, подобрав длинный халат, побежала по коридору их стран-

ной, длинной, словно такса, квартиры, на ходу теряя домашние тапки. Квартира эта была до безобразия неудобной — анфилада крошечных комнат, вытянутых в одну линию. Но Татьяна поддерживала здесь идеальный порядок, относясь к чистоте с какой-то маниакальной страстью. Гелю же эта бытовая педантичность всегда раздражала.

— Геля! — крикнула Татьяна из глубин квартиры. — Давай быстренько упаковываться, а то Виктор уже стоит, скучает.

— Ничего, — раздался в ответ ленивый голос. — Поскучает. Ему даже полезно. Понимает, что он не единственный пуп земли.

Геля выплыла из комнаты в лёгком домашнем неглиже. Эффект был сокрушительным. Виктор, который успел расслабиться, вновь превратился в статую. Его взгляд, полный инфантильного обожания, сменился взглядом охотника, завидевшего добычу, но добыча эта казалась ему настолько прекрасной и недостижимой, что он не мог выдавить из себя ни слова. Наконец, с трудом проглотив вставший в горле ком, он прошептал по слогам:

— Ге-леч-ка, какая же ты у меня красotka.

На Гелю этот дежурный комплимент не произвёл ровным счётом никакого впечатления. Она давно привыкла к восхищённым взглядам и восторженным речам, поэтому отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

— Да знаю я, — бросила она, проходя мимо. — Чего ты

тут стоишь столбом? Иди на кухню, сядь, не мешай нам собираться.

— Я может быть, могу помочь чем-то? — с надеждой в голосе предложил Виктор.

— Можешь. Самая лучшая помощь от тебя — это не мешать.

— Как скажешь, моя королева, — смиренно ответил он, и в его голосе послышалась нотка гордости за свою же покорность.

Геля про себя фыркнула. «Толковый бультерьер» — промелькнуло у неё в голове. Слова из песни явно писали с прототипа Витюши. Девчонки деловито сновали по квартире, вспоминая то об одном, то о другом, а послушный Виктор сидел на кухне, как велела королева, и пил сладкий чай, любезно налитый радушной хозяйкой. Наконец сборы подошли к концу.

— Мы готовы, — объявила Татьяна. — Спускай сумку вниз.

— О! — оживился Виктор. — А я уж было подумал, что мы будем Алика днюху втроём отмечать.

Шутка вышла неуклюжей, и засмеялась над ней только Татьяна. Геля же, поправив идеально лежащие волосы, произнесла с тем самым отрешённым видом, будто это все ждали её, а не она их:

— Умник, давай лучше быстрее выходить. Мы и так опаздываем, весь праздник без нас пройдёт.

Виктор не обращал внимания на такие мелочи. Он схватил спортивную сумку с яркой надписью «Монтана» — гордость Гели, подарок от очередного поклонника — и попытался прижать её к себе, но Геля зашипела, словно дикая кошка, увидевшая пса, и он тут же отступил.

— В путь, — пролепетала Татьяна, запирая дверь.

Они спускались по крутой лестнице старой пятиэтажки: впереди, гордо вышагивая, шла Геля, за ней, с важным видом, ступая след в след, следовал Виктор, а завершала эту процессию Татьяна, которая чувствовала себя декорацией к чужому спектаклю.

Глава 3

В машине Геля сразу же уселась на заднее сиденье, сославшись на желание поспать. Закрывая глаза, она незаметно подмигнула Татьяне, что означало: «зелёный свет» на её пути к Виктору. Но это было безнадёжно. Стоило взглянуть на Виктора — он весь вжался в водительское кресло, но то и дело бросал взгляды в зеркало заднего вида, проверяя, как там его «королева».

— Тань, — зашептал он, тронувшись с места. — А чего Гелька ночью делала? Или она плохо чувствует себя? Ты говори давай. Я бате скажу, он любое лекарство достанет.

— Да всё хорошо с ней, — отмахнулась Татьяна. — Давай лучше на дорогу смотри. Просто не выспался человек. К тому же, вся ночь впереди. Я вот тоже, пожалуй, посплю.

— Нет, поговори со мной, — капризно протянул Виктор. — Чего это я буду ехать в сонном царстве?

— Тебе надо — ты и говори. Мужчина должен развлекать девушку, а не наоборот. Я тебе тут не клоунесса.

— О, чувствуется твоя дружба с Гелей не прошла мимо, — усмехнулся Виктор. — Ты уже прямо цитатами её говоришь.

— Витя, — Татьяна переменила тему, которая ей казалась скользкой. — Ну скажи по правде. Ты что, реально думаешь, что Геля будет твоей?

— А чего тут думать? — искренне удивился он. — Она уже моя.

Татьяна поняла, что дальнейший диалог в этом ключе бесполезен, и перевела разговор на другую тему. Виктор ожилился, начал вещать о спорте, о своих достижениях, называл её «своим парнем в юбке» и даже пообещал познакомить со своим суперским другом Серёгой, который «в разы лучше его». Дорога пролетела незаметно, и вскоре они въезжали в деревню со смешным названием Мышкино.

— Какой дом? — спросил Виктор, вглядываясь в тёмные очертания изб. — Двадцать первый, вроде? Или я путаю?

— Ты ничего и никогда не путаешь, — раздался с заднего сиденья сонный, но язвительный голос Гели. — Что ни говори, а память у тебя отменная.

— Красотка моя, проснулась! — расплылся в улыбке Виктор. — А я уже соскучился. А ты?

— Безумно, — сухо ответила Геля.

— Друзья мои, — вмешалась Татьяна. — Вас не смущает, что я тоже здесь? Давайте уже остановимся, а то мы дом чуть не проехали.

— О, боги, — простонала Геля, увидев неказистый дом. — Этот тут?

— А ты думала, что старики Алика живут в особняке? — усмехнулась Татьяна. — Нет, скромная избушка. Тут все такие.

— Ну да... Тоска, как я и говорила, — процедила Геля

сквозь зубы.

— Солнце моё, нам скучно не будет, — поспешил заверить её Виктор. — Вот сейчас шампанского выпьем, погуляем, как ты любишь.

— Ой, Витя, — Геля поморщилась. — Я хочу гулять не по этой грязи, а по шикарному берегу океана. Чтобы волна смывала мои следы.

— Как бегущая по волнам... — мечтательно протянула Татьяна.

— Ого, Витя, какой ты начитанный! — засмеялась она.

Виктор, не поняв литературной аллюзии, густо покраснел.

— А вы думали! — гордо заявил он, выходя из машины.

Из дома, распахнув дверь, навстречу им высыпала вся честная компания. Алик, уже изрядно навеселе, расцеловал всех и по-хозяйски скомандовал:

— Ну что, друзья-товарищи, проходите в дом! Всё уже готово, шашлык жарится. Санек его там караулит. Да, Санек?

— А то! — слышался хриловатый голос из-за спин.

— Я целый ящик пива притащил, импортного! — похвастался Виктор, не упуская возможности подчеркнуть превосходство во всём, что его окружало. — Отец сказал, качество на высшем уровне.

— А водки?! — поинтересовался Алик, которому, честно говоря, уже было всё равно.

— И водки тоже, — ответил Виктор.

Геля стояла в стороне, мрачнее тучи, рассматривая поко-

сившийся забор и заросший бурьяном сад. Вечеринка обещала быть серой и унылой. Алик, заметив её настроение, подошёл ближе.

— Геля, а ты что стоишь мрачнее тучи? Идите, девчонки, помогите там на кухне Ленке и Марине, а то они совсем зашиваются...

Геле поплохело от слова «совсем». Она не собиралась мириться с этой серой действительностью. Она твёрдо знала, что достойна лучшего.

— А я пойду пройдуся, — заявила она командным тоном. — Посмотрю, есть ли тут хоть что-то, пленяющее глаз.

— Не советую, — покачал головой Алик. — Витька лучше обождать или потом вместе все сходим. Я вам проведу экскурсию. Публика у нас тут своеобразная, много домов заброшенных. Не стоит искать приключений на свою чудесную задницу.

Тут Виктор решил, что настало время его партии. Многозначительно посмотрев на Гелю, он отчеканил:

— Нет. Я сказал — и точка.

Гелю секунду тяготила мысль устроить скандал и всем показать, кто есть кто. Но ситуацию спас случайный алкаш. Точнее, дядя Паша, как его назвал Алик. Он еле волочил ноги, шёл посередине дороги и пронзительно, жалобно пел: «Ой, мороз, мороз!...» Слушая его, казалось, что он и вправду сейчас замёрзнет насмерть.

Алик сбегал в дом, вынес дяде Паше стакан водки. Тому

сразу стало лучше.

— Спасибо тебе, сынок, — крикнул старик. — Хороший ты парень. Да и друзья у тебя хорошие. Дай вам Бог здоровья.

С этими словами он пошёл дальше, держась за воздух руками, будто за невидимые перила.

— Господа юристы, вы где там вообще? — раздался звонкий голос Сашки. — Шашлык уже готов, девки поляну накрыли, а вы всё у забора топчетесь!

— Сашка, какой ты хозяйственный! — промурлыкала Геля, наконец-то оживившись. — Дай я тебя поцелую.

Геля была девушкой видной, нравилась всему потоку, и Сашка не был исключением. Он расплылся в довольной улыбке.

— Я тебе сейчас самый лучший кусочек дам.

— А я тебе сейчас так дам, и точно лучше всех! — ревниво вмешался Витюша.

Геля только фыркнула и, гордо вскинув голову, первой направилась к дому.

Вечеринка была в самом разгаре. Домик, хоть и небольшой, оказался уютным. Ребята травили байки о своих бурных похождениях, девчонки — о разбитых сердцах. Витюша мерился силой на руках с Сашкой. Всё шло своим чередом, как вдруг Геля, которая всё это время наблюдала за компанией словно кукловод и успела изрядно приложиться к алкоголю, громко заявила:

— А где же танцы? Мальчики, я хочу танцевать и весе-

литься!

Девчонки поддержали её радостными возгласами. Алик включил магнитофон, из динамиков полилась заливчатая музыка. Все начали разбиваться на пары. Геля подошла к Алику и, повиснув у него на шее, прокричала:

— Я хочу танцевать с именинником!

Но Алик, хоть и был изрядно пьян, на провокацию не пошёл. Он чмокнул её в лоб, как сестрёнку, и тихо произнёс:

— Не глупи. Витёк — нормальный парень.

— Эй, ты, долбанный шварценеггер! — крикнула Геля, и в её голосе послышались злые нотки. — Где ты там? Дама твоя скучает!

— Принцесса, — подскочил Виктор. — Я всегда рядом и готов плясать.

— Ты готов, а я не хочу! — Геля повысила голос, чувствуя, как внутри закипает злость. — Возьми Татьяну и пляши! А мне с тобой скучно!

— Геля, ну что ты... — начал было Виктор.

— Мне скучно, понимаешь ты это или нет?! — Её голос сорвался на крик. — Я устала от тебя! Я заранее знаю всё, что ты хочешь сказать! Ты даже когда обнимаешь меня, я не чувствую трепета в душе, ни намёка на счастье! Я ничего не чувствую! Я не могу так больше!

— Геля, Гелечка, милая моя, — Виктор побледнел, в его глазах появилась мольба. — Ну успокойся, пожалуйста. Я правда люблю тебя. Люблю тебя одну. Ну что мне сделать,

чтобы ты успокоилась?

Это была немая сцена. Все замерли. Они часто ссорились — Геля любила показать характер, и все к этому привыкли. Но сегодня была совершенно другая пьеса.

— Ничего ты не можешь сделать, — выкрикнула Геля, и в её голосе послышались слёзы. — Ты даже дать мне не можешь, или встряхнуть меня! Потому что ты боишься меня!

— Зато я не боюсь! — раздался звонкий голос Татьяны.

Она подошла к Геле с ведром холодной воды и окатила её с головы до ног.

— Остынь немного и прекрати нести чушь! — жёстко сказала она.

Геля вытерла лицо руками, ошарашенно посмотрела на подругу, а затем, развернувшись, выбежала из дома. Никто не пошёл её останавливать. В комнате повисла гробовая тишина. Все с недоумением смотрели на Витюшу, а он боялся поднять глаза. Наконец, он взял со стола бутылку водки, открыл её и, запрокинув голову, опустошил её одним глотком, словно это была вода.

— Тань, положи ты ему закуски, — нарушил тишину Сашка. — А то упадёт с непривычки.

Татьяна засуетилась, начала прибирать со стола. Ребята вышли покурить на свежий воздух.

— Блин, вот бабы дуры, — выдохнул кто-то.

Геля, выбежав на улицу, остановилась, тяжело дыша. Грудь сдавило от обиды и злости. Она не знала, куда идти, но

оставаться здесь, среди этих людей, казалось невыносимым. Она пошла вперёд, куда глаза глядят, подальше от этого дома, от их жалости и непонимания. Деревня встретила её тишиной — сонной, одуряющей, какой-то ватной. Она шла по пыльной дороге, не разбирая пути, пока впереди, за деревьями, не увидела свет. Станный, неровный, манящий свет в окне старого, на первый взгляд заброшенного дома.

Свет в одном из окон мигнул и погас, а затем вспыхнул снова, будто приглашая подойти ближе. Геля сделала шаг вперёд.

— Геля! — раздался крик Алика у неё за спиной. — Не ходи туда! Это старый дом. Он проклят.

Геля обернулась, но не остановилась.

— Как проклят? — спросила она.

— Говорят, там живёт призрак, — Алик подошёл ближе, голос его звучал взволнованно. — Недавно дом купил один бандит, теперь там тусуется братва, но редко. А раньше... Не ходи туда, Геля. Все, кто туда заходил, потом жалели.

Но Геля уже не слушала его. Она смотрела на светящееся окно, и по её спине пробежал холодок. Но ей было не страшно. Ей было интересно.

Глава 4

Геля переступила порог, и дверь за её спиной медленно закрылась сама — без скрипа, без щелчка, словно её кто-то аккуратно притворил. Геля обернулась, но за спиной ничего не было. Только тишина — густая, тягучая, какая бывает только в старых заброшенных домах, где годами не ступала нога человека.

Она сделала шаг вперёд. Под ногами скрипнули половицы. В нос ударил запах пыли, старого дерева и чего-то неуловимо знакомого — будто она уже была здесь когда-то, давным-давно, в другой жизни.

Первая комната оказалась небольшой: старый диван, обитый выцветшим бархатом, круглый стол на резных ножках, покрытый толстым слоем пыли. На стенах висели фотографии в потрескавшихся рамках, но изображения на них выцвели настолько, что нельзя было разобрать лиц. Только смутные силуэты — мужчина, женщина, ребёнок. Семья, которая когда-то жила здесь и покинула этот дом.

Геля провела пальцем по столу — осталась полоса на пыли. Она подошла к фотографиям, всмотрелась в одну из них. Женщина в длинном платье, с каштановыми локонами. Геля вздрогнула и отшатнулась. Она не могла разглядеть лица, но каштановые локоны... Это были те самые локоны, что она видела в зеркале в своей комнате той ночью.

Она перевела дыхание и пошла дальше.

Вторая комната оказалась больше. В центре стояло старинное пианино — массивное, тёмного дерева, с пожелтевшими клавишами. Рядом — кресло-качалка, которое слегка покачивалось, хотя в комнате не было ни сквозняка, ни ветра.

Геля замерла. Сердце колотилось где-то в горле.

Она подошла к креслу, осторожно дотронулась до подлокотника. Кресло остановилось. Геля выдохнула — видимо, показалось. Она села в кресло и откинулась на спинку. Оно мягко качнулось назад, потом вперёд, словно кто-то невидимый раскачивал его.

Геля закрыла глаза. Странное чувство охватило её — умиротворение. Она вдруг поняла, что именно сюда всегда стремилась. Не к шикарному авто, не к лазурному побережью, не к каштановым локонам на ветру. А сюда. В этот старый дом. В это кресло. К этому пианино.

— Что со мной происходит? — прошептала она.

Внезапно раздался звук. Одинокая нота. Геля вздрогнула и открыла глаза. Пианино стояло в нескольких метрах от неё. Клавиши были неподвижны. Но нота прозвучала — чистая, звенящая, словно кто-то только что коснулся клавиши.

— Кто здесь? — голос Гели дрогнул.

Тишина. Затем ещё одна нота. И ещё. Пианино начало играть само по себе — медленную, тягучую мелодию. Геля узнала её. Это была та самая мелодия, которую она слышала,

когда открывала окно в своей городской квартире. Та, что показалась ей знакомой.

Геля поднялась с кресла и, не веря своим глазам, подошла к пианино. Клавиши двигались сами — будто невидимые пальцы касались их. Геля протянула руку и провела пальцами по клавишам. Мелодия не остановилась. Она продолжала звучать, обволакивая Гелю, затягивая её в свой ритм.

— Кто ты? — громче спросила Геля. — Покажись!

В ответ — только музыка. Мелодия становилась тише, спокойнее, словно колыбельная. Геля чувствовала, как её веки тяжелеют. Она вернулась к креслу-качалке, села в него и откинулась на спинку. Музыка убаюкивала её, уносила в тёплую, мягкую дрему.

— Я жду тебя... — слышался едва уловимый шёпот.

Геля хотела ответить, но сон уже накрыл её.

Геля открыла глаза. Она стояла посреди той же комнаты, но всё было иначе. Пыль исчезла. На стенах висели свежие обои. Солнечный свет струился из окна. Запахло свежесваренным кофе и яблочным пирогом.

В кресле-качалке сидела женщина. Каштановые локоны, ледяные голубые глаза. Та самая женщина из зеркала. Она улыбалась — спокойно, тепло, будто ждала этого момента всю жизнь.

— Ты пришла, — сказала женщина. — Я знала, что ты придёшь.

— Кто ты? — спросила Геля, удивляясь собственному

спокойствию.

— Я — это ты, — ответила женщина. — Или ты — это я. Мы связаны, Геля. Мы всегда были связаны.

— Я не понимаю...

— Тебе и не нужно понимать, — женщина улыбнулась. — Просто знай: я ждала тебя. И он ждал тебя. Он придёт.

— Кто он? — спросила Геля.

— Тот, о ком ты мечтаешь, — ответила женщина. — Тот, кого ты искала всю жизнь. Тот, кто сделает тебя счастливой.

Геля хотела спросить ещё, но комната начала расплываться. Картинка таяла, как утренний туман. Женщина в кресле подняла руку и помахала ей на прощание.

— Я жду тебя, Геля. Мы все ждём тебя.

Геля проснулась. В комнате было темно. Музыка стихла. Она лежала в кресле-качалке, укутанная в тишину, как в одеяло. Сердце колотилось. Она провела рукой по лицу, пытаясь прийти в себя.

Она поднялась, подошла к пианино. Ноты на нём не лежало — но что-то блестело в лунном свете. Геля наклонилась и увидела кольцо. Старинное, золотое, с небольшим камушком голубого цвета — как лед, как глаза женщины из сна.

Геля взяла его в руки. Кольцо было тёплым, будто его только что сняли с пальца. Она надела его на средний палец правой руки. Оно село идеально, словно было сделано специально для неё.

Геля посмотрела на кольцо. В его глубине, казалось, мер-

цал свет. Она сжала пальцы в кулак и прошептала:

— Я вернусь. Я обязательно вернусь.

За окном начинал рассвет. Первые лучи солнца пробивались сквозь мглу. Туман над Мышкино начал рассеиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.